

осознано). Сказанное, кстати, касается большинства наших библиофильских альманахов, а не только питерского.

Наконец, если уж я вернулся к обобщениям, хотел бы сказать несколько слов о том, что давно наболело. Я имею в виду оформление наших альманахов. (Это относится и к московскому «Библиофилу».) Такое впечатление, что опыт искусства книги, по крайней мере, XX века, прошел для редакций наших альманахов незамеченным. Я уж не говорю о качестве воспроизведений, зависящем от типографии, а в конечном счете от финансовых возможностей издателя, — но ведь и плохую полиграфию, когда наперед известно, что она будет плохой, можно использовать во благо: посмотрите об этом хоть в вышедшей уже семь лет назад книге В. Г. Кричевского «Поэтика оттиска» (М., 1995). А как объяснить отсутствие в библиофильских изданиях связи между текстом и графическими «украшениями», напоминающее об «эпохе полиטיפажей». Только лишь отсутствием художественного вкуса? Положим, о вкусах не спорят, — хотя есть все же понятие «дурной вкус», — но как быть с «иллюстрациями» (по месту в тексте), не имеющими к тексту никакого отношения (это про московский «Библиофил»)? Посмотрите на оформление (обложка, титульный разворот, шмуцтитулы) шестого «Невского библиофила». Не возникает у Вас ощущение, что все это делалось лет сто назад? Право, по сравнению с ним оформление альманаха ЛОБ — образец модерна! Речь не о том, что в нынешнем альманахе воспроизводятся преимущественно работы мирискусников и их современников (я и сам их люблю), но о том, как это сделано. И без того плохо репродуцированные гравюры совсем теряют смысл в грязно-серых орнаментальных рамках, а когда они соседствуют в этих рамках с рисунками даже и замечательных мастеров, плакать хочется. Надо же поместить в одной такой рамке, пусть и маловыразительный, рисунок Ю. Анненкова с гравюрой И. Павлова, — так, что они становятся почти неразличимыми, будто одной рукой сделаны. Да еще соединить эту безумную пару на одном развороте с многодельным (и, вероятно, увеличенным) сюжетным экспликом...

Не хочется заканчивать на этой грустной ноте. Лучше порадуемся за наших питерских друзей, которым удается в эти трудные годы (а бываюли ли легкие?) систематически издавать свой альманах, и пожелаем им, говоря словами их замечательного земляка, «...высоко держать знамя и не сдаваться. Не сдаваться!!!»*

Марк Рац

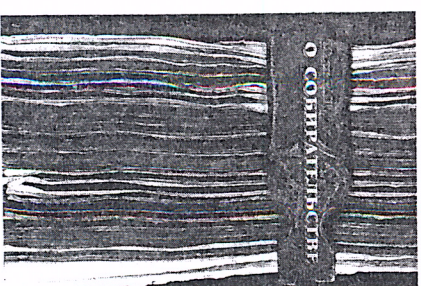
* М. С. Лесман. Из адресованной рецензенту надписи на книге Ю. Л. Дьянского «А. Б. В. снимает маску» (М., 1980), одним из героев которой является М. С. Лесман.

СОБИРАТЕЛЬСТВО КАК ТИП МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Окликнуться на труд *Марка Владимировича Раца* следовало бы, пожалуй, прежде всего культурологу, точнее, теоретику культуры, во всяком случае — любителю ответственных построений: содержание книги, несмотря на ее простецкое название и такой же подзаголовок, на самом деле довольно сложное. Свой богатый полувековой опыт собирательства Рац использует преимущественно как материал для широких обобщений, для создания различных умозрительных конструкций. Последние, безусловно, интересны, имеют самостоятельную интеллектуальную значимость, но мне кажется, что по достоинству их способны оценить, прежде всего, специалисты, в частности, коллеги автора по методологическим штудиям. Вместе с тем, эта работа, особенно в ее конкретике, весьма любопытна и для каждого коллекционера, а для историков современного библиофильского движения — в особенности.

Имя Марка Раца хорошо известно в библиофильском сообществе. Он никогда не относился к числу «закрытых» собирателей, охотно экспонировал на выставках раритеты из своей коллекции иллюстрированных изданий и книжной графики первой трети XX века. Многие его сочинения в жанре «библиофильских заметок» публиковались ранее в периодике. Теперь, наконец, вышла книга, состоящая из двух разделов: в первом межуары удивительным образом сочетаются с учебным трактатом по проблемам библиофилии, а во втором представлен перечень «избранных» единиц хранения из собрания автора. Книга, исследовательская по существу, стала на сегодня высшим достижением М. Раца как библиофила и библиофиловеда. В ней подводятся итоги всем предшествующим этапам его собирательской и «изучательской» биографии: коллекционерские поиски и находки, как бы ни были они хороши сами по себе, требуют своего логического завершения в виде анализа, осмысления, интерпретации.

Работа Марка Раца резко выделяется на

* Рац М. О собирательстве: Заметки библиофила. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 352 с.: ил. — Тир. 1000 экз.

обшем, довольно скудном фоне отечественной литературы этого рода. Обычно библиофилведческие столбы эксплуатируют бытовую, чувственную сторону книгособирательства: ведь библиофил не склонен пускаться в абстрактные рассуждения о предмете своего увлечения, он ориентирован на практические результаты собирательства. Немногоисленные аналитики библиофильства как особого социокультурного феномена сосредоточены, как правило, на психологических, духовно-нравственных аспектах книжной страсти. Эта проблематика понятна и близка основной массе книгособирателей, она, по счастью, неисчерпаема, поскольку любая очередная эпоха и каждое новое поколение библиофилов привносят в нее дополнительные нюансы. Библиофилы в лице исследователей, вышедших из этой же среды, будут и впредь не без удовольствия заниматься «самокопанием», шпифовойкой корпоративной этики, выяснением отношений с пограничными территориями культуры. Эмоциональное начало в библиофильстве преобладает над рациональным – иначе бы оно, библиофильство, потеряло всю свою прелесть.

Книга Раца заставляет взглянуть на привычные процессы, на при-мелькавшиеся факты с иной позиции. Примат «холодной головы» над «горячим сердцем» принес неоспоримые плоды: стало очевидно, что библиофильство, как и всякая другая сфера духовного производства, способно стать объектом научного теоретизирования, а потому его можно исследовать с точки зрения чистой типологии. Активный член Московского методологического кружка, М. Рац использует в своем труде нарабатанные там принципы системного подхода к явлению, которое всегда есть сложная совокупность взаимосвязей между внутренним и внешним мирами. На традиционно толкуемое библиофильство как бы накладывается совершенно новая сетка координат, и это сильно меняет направление исследовательского вектора.

Марк Рац трактует собирательство (и библиофильство как его составную часть) в терминах и категориях московской методологической школы, учеником которой себя считает. Заметим попутно, что иной раз автор явно забывает, что с его текстом будут знакомиться обычные читатели, не посвященные в понятийную тайнопись: может быть, стоило бы порой снизить до объяснения тех или иных узко специальных определений. Рац подходит к собирательству, опираясь на постулаты современной деятельности теории: собирательство представляет собой своеобразный тип мышления и деятельности. Воспроизводя свой непростой собирательский труд, осмысляя его динамику и результаты, автор призывает и соратников вносить некий рациональный, расчленимый элемент в хаос и суету повседневной практики. Коллекционер, считает Рац, в какой-то степени должен быть склонен к рефлексии, анализу своих ощу-

ний и переживаний. Конечно, никакие, даже самые глубокие размышления не заменят материальной, внешней стороны собирательской деятельности, но они ее дополняют, своеобразяют, обосновывают и как бы про-длевают (ведь собирателем можно оставаться и после того, как человек – в силу различных житейских обстоятельств – вынужден расстаться с коллекцией; в этом случае он живет памятью о ней, реконструирует ее силой своего воображения, то есть производит какую-то мыслительную работу).

Марк Рац неизмеримо высоко поднимает планку собирательства; вероятно, она будет недоступна для подавляющего большинства коллег-пионеров. Но в качестве идеала она вполне имеет право на существование. На самом деле, осмысление собственной коллекционерской деятельности, умыленное подчинение себя избранной линии – важнейший залог успеха. Смена целевых установок, возникновение новых ориентиров, эволюция собирательских интересов – все это происходит не столько по наитию свыше, сколько под воздействием достаточно осознанных импульсов. В этом отношении пафос книги Раца нельзя не поддержать, тем более, что автор довольно критичен к собственной персоне и отнюдь не намерен видеть свою предшествующую библиофильскую жизнь в розовых тонах: доля злоровой самоиронии в книге весьма значительна, автор и сам просит не подходить ко всему им написанному «с истовой серьезностью».

Марк Рац не претендует на истину в последней инстанции, а всего лишь размышляет над тем, куда его привел собственный собирательский маршрут. Он не выстраивает теорию как таковую, его занимают вопросы методологии, то есть совокупность методов и средств собирательской деятельности как логически организованной структуры – тема непривычная для поклонников полублестящих «рассказов о книгах и книжниках», требующая от них немалой умственной энергии (предполагается, что это уже есть реальное проявление мыслительности).

Вместе с тем, насколько я понял автора, мыслительность вовсе не отрицает моральной составляющей собирательства (библиофильства). В тексте неоднократно фигурирует – в разных модификациях – знаменитое утверждение В. Шкловского о том, что книги могут «собрать» увлеченных ими людей. Думается, Шкловский вкладывал в свой афоризм много-слоный смысл. «Собрать» человека – значит не только обогатить его умственный багаж, но и помочь формированию его личности, неповторимой индивидуальности, содействовать развитию этических воззрений, поведенческих норм. В библиофильском мире, как известно, будут нешуточные страсти, иногда довольно низменные, особенно в сфере купли-продажи. Не случайно в работе Раца целая глава отведена проблеме книготорговли. Хорошо зная нравы и обычаи библиофильского окруже-